

Л.М. Баткин

ЗАМЕТКА О ДИАЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К КУЛЬТУРНЫМ ТЕКСТАМ

Я начинал изыскания по истории культуры с книжки о Данте. Продолжая работать в Харькове, я впервые узнал о М.М. Бахтине из статьи Луначарского, в которой сочувственно и полемично обсуждалась работа о Достоевском.

Вскоре впервые была опубликована поразившая и взволновавшая меня, как и многих, книга Михаила Михайловича о Рабле. Я поместил в “Вопросах философии” отклик на нее: “Смех Панурга и философия культуры”. Но теоретическое учение Бахтина о диалогическом способе изучения культуры тогда еще не было мной освоено с надлежащим пониманием.

После переезда в Москву, с 1968 года я изучил все известные тогда работы М.М.Б. и под его влиянием стал работать по-новому.

Мой “московский” способ думать, как известно, не одобрил даже мой близкий друг, блестящий Арон Яковлевич Гуревич, который успешно пользовался по отношению к историческим источникам острым скальпелем в качестве своего рода опытного паталогоанатома и эксперта. Притом он был далек от диалогической переключки с прошлым. Ему это казалось, в лучшем случае, странностью. А.Я. искренне считал, что я не исследую, как положено историку, а *самовыражаюсь*.

Гуревич прекрасно знал, что такое свойственно всякому хорошему историку, пусть ненароком. Ему, разумеется, также. А.Я. сам писал об этом. Я проделывал в свой черед то же самое, но моего друга раздражало и озадачивало то, что я притом свидетельствовал о своих мысленных разговорах с далекими авторами напрямую, с писательскими ухватками эссеиста. Гуревичу такая манера казалась чем-то методологически неправильным, отступающим от норм строгой академической научности. Он сам академизмом превосходно владел, умея вместе тем ничуть не засушивать свои сочинения. Его стиль был ясным и чуждым парадоксам. Всегда очень ценил и ценю его заслуги в мировой науке. Я же избрал другой путь.

Я не раз излагал существо метода Бахтина, как я его умел понять, и не могу сейчас предложить какие-то новые мысли. Но, может быть, есть смысл в том, чтобы еще раз высказать свое кредо в более или менее новых формулировках. И тем самым вернуться

к памяtnому для меня, долгому и любопытному спору с Гуревичем, который (спор) недавно впервые послужил предметом беспристрастного и тщательного разбора, выполненного М.Л. Андреевым.

Вслед за Бахтиным я, естественно, признаю безусловную огромную ценность и необходимость традиционного, сугубо *объектного* (не путать с “объективным”) подхода. Он фундаментален при исследовании событий, общественных структур, вещных сторон исторической жизни. Без него (без знания “Малого времени”) немыслимо и построение диалогического анализа в “Большом времени”. В последнем случае уместней говорить не о “знании”, а о “понимании”, не об “означаеом”, а о “смысле”.

Есть множество определений понятия “культуры”. Я предпочитаю видеть в ней *смысловой мир, выраженный в текстах*.

Я пытался рассматривать тексты субъектно (не путать с “субъективно”). А.Я. был понятен мне в своих сомнениях насчет меня. А я ему, боюсь, непонятен. Он был последователен, но, по-моему, в целом неправ. Мы в научном плане разошлись.

Да, я неизбежно самовыражался, притом не косвенно и невольно, а вполне открыто, опираясь на *методологию диалога*, когда исследователь имеет дело не с текстами как молчаливыми вещественными фактами, рассматриваемыми *извне* (отчасти подобно тому, как с необходимостью поступают естественники).

Я же обращался – уже *после* “Данте” – к текстам (“источникам”) как *высказываниям*. То есть словно бы встречался с *авторами* удивительных для нас *мнений и речей*.

Я – и текст передо мной. Один из нас, то есть я, будучи одновременно мыслящим человеком и отнюдь не отказываясь от себя (что, по Бахтину, ненужно и невозможно) – говорит и силится понять незнакомый, поначалу далекий голос *Другого*, говорящего из принципиально иной, возможно, миновавшей культуры. И я нащупываю на глазах у читателей *обоюдный* духовный контакт.

Интерпретатор пытается поменяться со своим героем местами. То есть: я, с неизбежным и необходимым грузом собственных эпохальных смыслов и на их новейшей мировоззренческой основе (живя в XX–XXI веках), проникаю *с их помощью* в инаковые смыслы, в труднодостижимое мышление Другого. Реконструируются при замедленном чтении и анализе (надеюсь, обоснованном) далекого текста, меняются одновременно – и *его* смыслы, *приближаясь ко мне*. То есть к *нашей* культуре. Меняюсь и *я сам*, не сразу разобравшись, но постепенно понимая и шаг за шагом, по спирали разбора, *приближаясь к автору* как особенному и уни-

кальному. Но тем самым к нему, как одному из фокусов его эпохальной культуры в целом, в качестве универсалии. Я включаю в свою голову не присущий мне, “чужой” смысл. Он становится частью моего мыслительного, духовного пространства. Мое понимание, как и любая субъектная трактовка, не может быть неоспоримым и последним. Общий разговор продолжается.

Объектный подход развивается, он поднимается *на следующий уровень*. Тут иная логика: *совершенствующегося* знания. Ошибочное представление, само собой, отвергается. Вроде понятия флогистона при изучении горения.

Но прежний уровень – *если* он бесспорно доказан – остается, коли он таков, наряду с впервые достигнутым. Включается – в нашем примере – в новую перспективу знаний о горении. В более богатое и иначе устроенное знание. В последнее – на данный момент – слово.

Самый расхожий пример – ньютонова механика макромира, которая после создания квантовой механики стала частью гораздо более сложной картины. Другой, не менее известный – эволюционизм Дарвина, толкуемый с поправками и дополнениями генетики.

Или, скажем, история телескопов, которые сперва становились просто все более мощными, а совсем недавно были вынесены в космос и, не отменяя оптических наблюдений со времен Галилея, следят за другими типами и диапазонами излучений. Так за каких-то несколько десятилетий астрофизикам стало известно о Вселенной неизмеримо больше, чем за все века рассматривания и исследований неба. Вплоть до открытия точно существующих, но пока совершенно загадочных “черных дыр”, “темной материи” и пр.

А в истории как диалог культур – нет никакого “последнего слова”. Нет более, чем предыдущие, истинного слова. Культура искусства или философии не знакома с иерархией: “кто выше”. В ней царит равноправие по горизонтали и вертикали. То есть, и между современниками, и при смене поколений. Культурный диалог распахнут в будущее. Он нескончаем, в него вступают потомки и потомки потомков. Или же лучше узнанные соседи на Земле. Круг участников расширяется, и прежние смыслы поэтому, сохраняясь в адекватном виде, обновляются в новых контекстах. Они не выше, не богаче, они – иные. В “Гамлете” полно смыслов, о которых Шекспир понятия не имел. И полно неисчислимых буду-

щих смыслов, о которых не в состоянии догадаться мы. Дерзостные трактовки оставляют словесные или музыкальные тексты в неприкосновенности. Поэтому частые толки о посягательстве на классиков – нелепы. Дерзость или даже художественное “хулиганство” задевают разве что некоторых современников.

Есть конкретное историческое содержание, закрепленное за “Малым временем”. И есть подвижное содержание и его метаморфозы в “Большом времени”. Историк культуры переводит взгляд с одного времени на другое и снова назад, пытаясь их соизмерить. Изучение истории культуры меняет свой умственный инструментарий. Она не Феникс. Не сгорает бесследно и не воскресает в прежнем облике. Скорее, она – Протей.

Повторяю, все это – на *корневом* уровне – не мои идеи, а идеи гениального культуролога М.М. Бахтина. Они располагались у него в зоне совершенно новаторского прочтения *художественных* словесных текстов, их поэтики и соответствующего им социального поведения. Идеи Бахтина поныне мало кто полностью понимает. Их великолепно подхватил и переиначил по-своему В.С. Библер, выдающийся *философ*, в сфере преимущественно истории философии и при помощи острого пинцета его собственной оригинальной *логики парадокса*.

Я же, в качестве всецело *историка*, хотя и пытающегося философствовать, увлеченно попытался в меру сил перенести все эти идеи на почву рассмотрения любых разнообразных исторических текстов, от содержательной переписки и автобиографий до стихов и картин. И поэтому стал маргиналом...

В гораздо меньшей степени, но привычно остаюсь им поныне. Об этом напомнил А.Х. Горфункель в обстоятельной и веской статье, самой обстоятельной и дельной из всего, что мне доводилось читать о себе (*Горфункель А.Х.* Мотив высокого индивидуализма: культура итальянского Возрождения в трудах Л.М. Баткина // Человек – Культура – История. М.: РГГУ, 2002. С. 11–56).

Не вполне понимаю, что же такого непонятого, скажем, в констатации глубокого исторического развала между “индивидом” и “индивидуальностью” (*individu` – individualite`*). Между данным “лицом” и “личностью” (*personne-personalite`*).

Если, допустим, мы видим сервиз “на двенадцать *персон*”, то употребляем это слово в значении индивидуности. “На двенадцать лиц (или 12 человек)”. Ведь не на “двенадцать личностей”. “Важная персона” – не “важная личность”... “Персона” не нагружена ценностным значением, ударение – на “важная”. Я приводил, пом-

нится, этот нехитрый этимологический пример в спорах с А. Я. Он лишь раздражался.

В античности то же слово в значении той или иной “маски” являло указание на “характер” (в смысле Теофраста) или традиционную общепонятную человеческую либо божественную примету. Благодаря маске, участники действия были обозначены для амфитеатра.

С XVIII–XIX веков это же слово, в несколько измененной форме, употребляют люди, себя сознающие в обращенной на себя же и на мир индивидуальной *рефлексии*, выступают в *ценностном* качестве “личностей”.

Уже с первобытности и во всех традиционалистских обществах есть данные индивиды, наделенные собственными именами и понимающие свою *отдельность*, как и свою помещенность в наиндивидуальную общность, в совместное существование. Они целиком вживлены в эту общность (племена, общины – аграрной либо городской, либо религиозной – или цеха, сословия, монашеского ордена, фамильного рода и пр.) Все это вещи общеизвестные.

И наконец появились люди Нового времени, уже вполне сознающие свою и других лиц *особенность и неповторимость*, усматривающие в этом высокую ценность. Первым отчетливо заявил об этом Руссо. “Я не такой, как другие”.

Короче, “индивидуальность” и “личность” – понятия, обладающие напряженными 1) *ценностным* и 2) *регулятивным* значениями. Это пронизывает структуру общества и взаимоотношений в нем. А слова “индивид” и “персона” не означают ничего, кроме умения называть, тыча пальцем при знакомстве, идентифицировать себя и других в качестве вот этого меня, вот этих других.

Я привык отыскивать в тексте смысловые параллели и зазоры, несовпадения текста (мнения) с самим собой, делающие смысл *парадоксальным*. Прекрасно! – это свидетельствует о неизвестной ранее глубине, своего рода талантливой недосказанности. И я пытаюсь договорить за автора, пользуясь преимуществом “внезаходимости”. Получаю часто разные ответы на один и тот же поставленный мною вопрос. То есть автор словно бы оспаривает мое (свое же) представление. Или коллеги толкуют его иначе, чем я. Я настороже, надобно перепроверять себя всеми возможными способами, например, неожиданно отыскивая параллели в других текстах. Я должен быть готов защищать свою интерпретацию даже против автора. Я то и дело сомневаюсь в себе, но вновь утверждаюсь, следуя поэтому по спирали своего

исследования. Прodelав виток, возвращаешься в ту же точку, к уже высказанной формуле, но повернутой в новую сторону, переиначенной, осложненной. Делаю раздумчивые паузы, обращаюсь к себе и одновременно к читателю, вовлекая и его в разговор. Я должен быть готов с текстом в руках возражать коллегам. Я приглашаю читателей в качестве понятых, когда подбираю особый ключ к пониманию тысячу раз прокомментированного писателя. Я, к собственному удивлению, словно бы заново открываю его. Это штучная работа. Но принципы поиска – одни и те же. Когда-то я сосредоточился на латинском эпистолярии Петрарки, открыв в качестве их смыслового стержня *авторское самосознание*, выраженное в автокомментариях, отступлениях, подражании стилю писем Цицерона. Затем взялся за “Canzoniere”, надеясь обнаружить в стихотворном сборнике то же самое. Но это оказалось трудной задачей, прежние приемы исследования не подходили. Я спотыкался, пока не придумал новый ключик, и Сезам, кажется, открылся. Удалось уловить целостность структуры песенника, обычно отрицаемую.

В смысле текста (или совокупности текстов) обнаруживаются пустоты и средостения. Сочинитель не дотягивает до ответа, который казался бы мне очевидным. Мне – но не ему. Я что-то подсказываю, предлагая для этого понятия и термины, неизвестные ему. Это самое интересное и увлекательное. Кульминация диалога. Однако не конец. Последнее слово, как учил М.М., принадлежит никак не мне, а ему. Потому что в его высказываниях может открыться нечто незамеченное мной, какие-то смысловые повороты и оттенки. Открыться для меня – и тогда я пересматриваю либо уточняю концепцию. А пройдет время и породит после меня – во внешне недвижимом тексте – небывалые смыслы. Текст, оказывается, живой. Он, уникальный плод своей эпохи, из плода превращается в семя. Со временем он прорастает, как картошка.

На картошке и пора закончить заметку.

Январь 2015 г.

СОДЕРЖАНИЕ

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.Я. ГУРЕВИЧА

М.Л. Андреев

ГУРЕВИЧ VERSUS БАТКИН: СПОР ДВУХ ЭПИСТЕМОЛОГИЙ?..... 5-11

Л.М. Баткин

ЗАМЕТКА О ДИАЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К КУЛЬТУРНЫМ
ТЕКСТАМ 12-17

М.Ю. Парамонова

...*AUT DESIDERATA MORTE MORIAMUR*: МИССИЯ КАК ДОЛГ И КАК
ЛИЧНЫЙ ВЫБОР 18-65

IMITATIO CHRISTI В РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Ю.Е. Арнаутова, А.Б. Герштейн

ВВЕДЕНИЕ 66-74

Д.Б. Кейнс

IMITATIO CHRISTI И ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕВАНГЕЛИЙ 75-98

Ю.Е. Арнаутова

IMITATIO CHRISTI: ТЕОЛОГЕМА И ЛИТЕРАТУРНАЯ МОДЕЛЬ В
БЕНЕДИКТИНСКОЙ АГИОГРАФИИ 99-139

М.Р. Ненарокова

МОЛИТВА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ *IMITATIO CHRISTI* ДЛЯ ЧАСТ-
НОГО ЛИЦА (ПРИМЕР МЕХТИЛЬДЫ ХАКЕБОРНСКОЙ) 140-161

Мехтильда Хакеборнская

КНИГА ОСОБОЙ БЛАГОДАТИ (*пер. с лат. М.Р. Ненароковой*) 162-181

М.Г. Логутова

“ПОДРАЖАНИЕ ХРИСТУ” ФОМЫ КЕМПИЙСКОГО 182-224

А.Е. Махов

ДЬЯВОЛ – ИМИТАТОР ИЛИ АЕМУЛЯТОР БОГА? 225-238

О.И. Тогоева

ПРОРОК, МУЧЕНИЦА ИЛИ ТРИУМФАТОР? *IMITATIO CHRISTI*
В ИСТОРИИ ЖАННЫ Д’АРК (XV–XVII ВВ.) 239-257

Х. Крайсель

IMITATIO DEI В “ПУТЕВОДИТЕЛЕ РАСТЕРЯННЫХ” МАЙМОНИДА 258-309

**МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА
“ВОЗМОЖНО ЛИ ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ?”**

<i>О.Е. Кошелева</i>	
ВВЕДЕНИЕ	310-314
<i>Ю.Е. Арнаутова</i>	
ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СЕГОДНЯ: ВЫЗОВЫ И ШАНСЫ.....	315-336
<i>П.Ш. Габдрахманов</i>	
ОБЫЧАИ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФЛАНДРИИ (ПО РОДОСЛОВНЫМ СПИСКАМ АЛТАРНЫХ ТРИБУТАРИЕВ).....	337-345
<i>Ю.П. Крылова</i>	
“УЮТ ПОВСЕДНЕВНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ”, ИЛИ ОБ ОТНОШЕ- НИИ К РЕЛИГИОЗНЫМ ПРАКТИКАМ ВО ФРАНЦИИ XIV в.	346-354
<i>О.И. Тогоева</i>	
ИСТОРИЯ ПРАВА И ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ТОЧКИ ПЕРЕ- СЕЧЕНИЯ.....	355-365
<i>С.К. Цатурова</i>	
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВЛАСТИ: ГРУППОВЫЕ СТРАТЕГИИ И ЛИЧНЫЕ АМБИЦИИ СЛУЖИТЕЛЕЙ КОРОНЫ ФРАНЦИИ В XIII–XV вв.	366-372

**ВЕНЕЦИЯ:
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ**

<i>П. Ланаро</i>	
ИНОЗЕМЦЫ В ГОРОДЕ ИНОЗЕМЦЕВ: ВЕНЕЦИЯ, XIV–XVIII вв.	373-386
<i>Н. Жечевич</i>	
<i>SERENISSIMA</i> МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И КОРРУПЦИЕЙ: СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ ВНЕЦИАНСКИХ ЧИНОВНИКОВ.....	387-401

ОБРАЗ “ДРУГОГО”

<i>М.Ю. Андрейчева</i>	
МУСУЛЬМАНЕ, КАТОЛИКИ И ИУДЕИ В ЛЕТОПИСНОМ РАССКАЗЕ О ВЫБОРЕ ВЕРЫ КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ: ОБРАЗЫ И СМЫСЛЫ.....	402-440

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

<i>М.Ю. Реутин</i>	
СРЕДНЕВЕКОВАЯ МИСТИКА В ГЕРМАНИИ И НИДЕРЛАНДАХ.....	
<i>Peter Dinzelsbacher. DEUTSCHE UND NIEDERLÄNDISCHE MYSTIK DES MITTELALTERS: EIN STUDIENBUCH. BERLIN; BOSTON: W. de GRUYTER, 2012. 424S.</i>	441-454

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 70-ЛЕТИЮ ДМИТРИЯ ЭДУАРДОВИЧА ХАРИТОНОВИЧА	455-456

IN MEMORIAM

НЕСКОЛЬКО ПЕЧАЛЬНЫХ СООБРАЖЕНИЙ ПО СЛУЧАЮ КОНЧИНЫ БОРИСА ДУБИНИНА (31.12.1946–20.08.2014).....	457-459
О БОРИСЕ И БОРХЕСЕ	459-462
SUMMARIES.....	463-470
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	471

CONTENTS

COMMEMORATING THE 90th ANNIVERSARY OF ARON YA. GUREVITCH

Mikhail L. Andreev

GUREVITCH VERSUS BATKIN: THE CONTROVERSY OF TWO
EPISTEMOLOGIES?

Leonid M. Batkin

A NOTE ON THE DIALOGIC APPROACH TO CULTURAL TEXTS

Marina Yu. Paramonova

...*AUT DESIDERATA MORTE MORIAMUR*: MISSION AS A DUTY AND AS
AN INDIVIDUAL CHOICE

IMITATIO CHRISTI IN THE MEDIEVAL AND EARLY MODERN RELIGIOUS CULTURE

Yulia E. Arnautova, Anna B. Gerstein

INTRODUCTION

David B. Capes

IMITATIO CHRISTI AND THE GOSPEL GENRE

Yulia E. Arnautova

IMITATIO CHRISTI: A THEOLOGICAL CONCEPT AND A LITERARY
MODEL IN THE BENEDICTINE HAGIOGRAPHY

Maria R. Nenarokova

PRAYER AS A WAY OF *IMITATIO CHRISTI* FOR AN INDIVIDUAL (THE
CASE OF MECHTILDE OF HACKEBORN)

THE BOOK OF SPECIAL GRACE OF ST. MECHTILDE OF HACKEBORN
(*Transl. from Latin by Maria R. Nenarokova*)

Margarita G. Logutova

THE BOOK *DE IMITATIONE CHRISTI* BY THOMAS A KEMPIS

Alexander E. Makhov

IS THE DEVIL AN *IMITATOR* OR AN *AEMULATOR* OF GOD?

Olga I. Togoëva

PROPHET, MARTYR OR TRIUMPHATRIX? *IMITATIO CHRISTI* IN THE
HISTORY OF JOAN OF ARC (15th–17th CENTURIES)

Howard Kreisel

IMITATIO DEI IN MAIMONIDES' GUIDE OF THE PERPLEXED

**MATERIALS OF THE ROUND TABLE
'CAN THE HISTORY OF MEDIEVAL EVERYDAY LIFE
BE STUDIED?'**

Olga E. Kosheleva

INTRODUCTION

Yulia E. Arnautova

THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE TODAY: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

Pavel Sh. Gabdrakhmanov

PRACTICES OF NAME GIVING IN FLANDERS ACCORDING TO GENEALOGIES OF *TRIBUTARII* (12th–13th CENTURIES).....

Yulia P. Krylova

"THE COMFORT OF EVERYDAY EXISTENCE", OR ON RELIGIOUS PRACTICES IN THE 14th CENTURY FRANCE.....

Olga I. Togoeva

THE HISTORY OF LAW AND THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE: INTERSECTIONS.....

Susanna C. Tsaturova

THE EVERYDAY ROUTINE OF STATE BODIES: FRENCH ROYAL OFFICERS' GROUP STRATEGIES AND INDIVIDUAL CLAIMS IN 13th–15th CENTURIES.....

VENICE: PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

Paola Lanaro

STRANGERS IN THE CITY OF STRANGERS: THE VENICE OF 14th–18th CENTURIES

Nada Zečević

SERENISSIMA BETWEEN POWER AND CORRUPTION: STRATEGIES OF VENETIAN OFFICIALS' BEHAVIOUR.....

IMAGE OF THE 'OTHER'

Marianna Y. Andreycheva

MUSLIMS, CATHOLICS AND JEWS IN THE STORY OF CHOOSING THE FAITH BY PRINCE VLADIMIR IN THE *PRIMARY CHRONICLE*: IMAGES AND MEANINGS

REVIEWS

Mikhail Y. Reutin

THE MEDIEVAL MYSTICISM IN GERMANY AND IN THE NETHERLANDS.....

Peter Dinzelbacher. Deutsche und niederländische Mystik des Mittelalters. Ein Studienbuch. Berlin; Boston: W. de Gruyter, 2012. 424 S.

ANNIVERSARIES

THE 70th ANNIVERSARY OF DMITRIY EDUARDOVICH KHARITONOVICH

IN MEMORIAM

A FEW SAD CONSIDERATIONS OF BORIS DUBIN'S DECEASE (31.12.1946–20.08.2014).....

ABOUT BORIS AND BORES.....

SUMMARIES.....

ABOUT THE AUTHORS.....